

САРА ДЕССЕН

САРА ДЕССЕН

**ЧТО ТАКОЕ
«НАВСЕГДА»**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Д37

Серия «Настоящая сенсация!»

Sarah Dessen

THE TRUTH ABOUT FOREVER

Перевод с английского *Л. Таулевич*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения издательства
Viking Children's Books, a division of Penguin Young Readers Group,
a member of Penguin Group (USA) Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Дессен, Сара.

Д37 Что такое «навсегда» / Сара Дессен ; [пер. с англ.
Л. Таулевич]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. —
352 с. — (Настоящая сенсация!).

ISBN 978-5-17-102714-8

Жизнь семнадцатилетней Мейси Куин разрушилась...

Любимый отец скоропостижно скончался. Мать, всегда отличавшаяся властным характером, после смерти мужа стала буквально одержима жадой контроля, а ее перфекционизм начал принимать болезненные формы. Кроме того, бойфренд Мейси предложил ей сделать перерыв в отношениях.

Растерянная, сбивая с толку, страдающая от горя утраты и невозможности соответствовать материнским представлениям об «идеальной дочери», девушка решает что-то резко изменить и устраивается на лето официанткой.

Мейси и не подозревает, что на новом месте работы ей предстоит найти и новых друзей, и человека, который сумеет объяснить простую истину: что толку стремиться к совершенству, если оно не приносит счастья?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Sarah Dessen, 2004

Школа перевода В. Баканова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-102714-8

Посвящается, как всегда, Джею и моим кузенам, которым не хуже чем мне известны вид на реку и залив, сложные правила нашей игры в прятки и все пути, что не ведут в рай. Чтобы назвать каждого, пришлось бы написать еще одну книгу. Вы сами знаете, кого я имею в виду.

Глава 1

Джейсон собирался в «лагерь для умников», который все так и называли, хотя у него было и другое, официальное, название.

— Так. — Последняя пара носков аккуратно засунута в свободную щелочку между вещами в чемодане. — Давай еще раз пройдемся по списку.

Передо мной лежал листок бумаги.

— Ручки. Тетради. Телефонная карточка. Батарея для фотоаппарата. Витамины.

Джейсон методично перебирал предметы, которые я называла, убеждаясь в их наличии. Он всегда и все проверяет по сто раз — ему нужна стопроцентная уверенность.

— Калькулятор, — продолжала я. — Ноутбук...

— Стоп! — Он поднял руку, подошел к столу, открыл чемодан, убедился, что ноутбук никуда не убежал, и кивнул.

— Переходим к списку номер два.

Я пробежала взглядом листок и откашлялась.

— Чистые диски. Адаптер. Наушники...

Когда мы прошлись по второму списку, а потом закончили с первым, дважды остановившись на подзаголовках «Туалетные принадлежности» и «Разное», Джейсон, кажется, удостоверился, что ничего не забыл. Тем не менее он продолжал наворачивать круги по комнате и что-

то бормотать себе под нос. Нелегко быть совершенным. Если вам это не дано, то можете даже не пробовать.

Джейсон не просто стремился к совершенству. В отличие от многих он не считал его недостижимым. Чтобы достичь совершенства, моему бойфренду оставалось сделать всего несколько шагов. Будь совершенством городом, он бы не просто приехал туда на экскурсию. Нет, он перебрался бы туда жить.

Поэтому Джейсон был чемпионом штата по математике, руководил дискуссионным клубом, получал на экзаменах самые высокие баллы в истории школы, учился по углубленной программе с седьмого класса и по программе колледжа с десятого. Он два года подряд занимал пост президента ученического совета, отвечал за новаторскую программу переработки отходов, внедряемую теперь в школах по всей стране, а также свободно владел испанским и французским. Учебой дело не ограничивалось: Джейсон практиковал веганство, а все прошлое лето помогал строить жилье для бездомных. Занимался йогой, каждое второе воскресенье навещал свою бабушку в доме престарелых и с восьми лет переписывался с мальчиком из Нигерии. У него получалось все, за что бы он ни брался.

Кое-кого его перфекционизм раздражал, но только не меня. Мне нужен был именно такой бойфренд, и я поняла это сразу, как только увидела его впервые — в десятом классе на уроке английского. Нас тогда разделили на группы, чтобы выполнить задания по «Макбету», и мы с Джейсоном и Эми Ричмонд оказались в одной «тройке». Эми сразу же призналась, что «не особо в ладах со стариной Шекспиром», уронила голову на рюкзак и спокойно уснула. Джейсон удивленно посмотрел на нее и открыл учебник:

— Ну что ж, приступим.

Это произошло вскоре после папиной смерти, я тогда большей частью молчала. Слова приходили с трудом, порой я их просто не узнавала, и целые предложения каза-

лись написанными на иностранном языке. Несколькими днями ранее я, напечатав сверху страницы свое имя, поймала себя на том, что проверяю буквы и их порядок, как будто не уверена даже в том, как меня зовут. Так что «Макбет» оказался для меня неразрешимой загадкой — я все выходные боролась с архаичным языком и странными именами персонажей, тщетно стараясь уяснить смысл истории.

Открыв книгу, я устала в текст.

Умри я час назад, я жизнь бы прожил
Счастливец, ибо для меня теперь
Все стало прахом в этом бренном мире,
Где больше нет ни щедрости, ни славы*.

«Нет, этого мне никогда не понять», — подумала я.

К счастью, Джейсон явно не собирался упускать отличную оценку и по привычке взял дело в свои руки. Он открыл тетрадь на чистой странице, занес ручку и обратился ко мне:

— Сначала давай определимся с основными темами. Тогда пойдем, о чем писать.

Я кивнула. Вокруг галдели одноклассники, усталый голос учителя тщетно призывал всех к тишине. Джейсон начертил на листе несколько линий и четким квадратным почерком написал: «Убийство. Власть. Брак. Мест. Пророчество. Политика». Мне показалось, что это будет продолжаться вечно, но он вдруг остановился и поднял взгляд на меня.

— Что еще?

Я поспешно опустила глаза в книгу, как будто написанные там слова могли внезапно обрести смысл. Джейсон терпеливо ждал, когда я внесу свою лепту. Я пробормотала что-то нечленораздельное, сглотнула и призналась:

— Если честно, я не понимаю.

* У. Шекспир. Макбет. Перевод Ю. Корнеева.

Я была уверена, что Джейсон сейчас посмотрит на меня таким же презрительным взглядом, как на уснувшую посреди урока Эми Ричмонд, но, к моему удивлению, он положил ручку и деловито спросил:

— Какой акт ты не поняла?

— Все, — призналась я, и он не закатил глаза, как я ожидала. Тогда я добавила: — В смысле, я знаю, что пьеса об убийстве, и там вторжение, но остальное... Ничего не понятно.

— Смотри, — он снова взял ручку, — все не так сложно, как тебе кажется. Чтобы понять, надо начинать с пророчества о том, что должно случиться.

Он принялся листать страницы, нашел нужное место и прочел абзац вслух.

— Видишь, вот здесь.

В его прочтении слова, как по волшебству, менялись, становились простыми и понятными. И я впервые за долгое время почувствовала спокойствие. Мне давно хотелось, чтобы кто-то вот так же легко и понятно объяснил, что случилось со мной, с моей жизнью, разложил все по полочкам. В глубине души я подозревала, что это не так просто, но Джейсон подарил мне надежду. Он разобрался в «Макбете», и я решила, что он поможет мне разобраться в себе. Меня потянуло к Джейсону, и я так и осталась рядом с ним.

Теперь он застегнул молнию на сумке с ноутбуком, положил ее на кровать к остальным вещам и в последний раз оглядел комнату:

— Ладно, пойдем.

Когда мы вышли из дома, его родители уже сидели в своем «Вольво». Мистер Тэлбот открыл багажник и помог сыну уложить вещи. Я села сзади и пристегнула ремень безопасности. Миссис Тэлбот повернула голову и улыбнулась мне с переднего сиденья. Она преподавала в университете ботанику, а ее муж — химию. Оба были такие ученые, что,

когда я случайно встречала их без книги или папки с бумагами, мне казалось, у них не хватает руки или ноги.

— Ну, Мейси, — попыталась завязать беседу миссис Тэлбот, — чем будешь заниматься до августа, пока Джейсон в лагере?

— Не знаю.

Следующие два месяца я должна была подменять Джейсона за информационной стойкой в библиотеке. Кроме этого, заняться было решительно нечем. Друзья по учебническому совету разъехались: кто в Европу, кто в лагерь. Честно говоря, я проводила с Джейсоном почти все время, остававшееся от учебы, йоги, школьного самоуправления и всяких дополнительных нагрузок, так что ни с кем особо не общалась.

Кроме того, моего бойфренда раздражали люди, не разделяющие его отношение к жизни, так что я не стремилась с кем-то его знакомить. Если кто-то казался ему тупицей или бездельником, Джейсон быстро выходил из себя, поэтому проще было гулять вдвоем или с его друзьями, которые были ему ровней. Впрочем, я никогда не переживала по этому поводу. Даже у совершенства могут быть свои недостатки.

По дороге в аэропорт Джейсон с отцом обсуждали какие-то выборы в Европе, а его мама без конца жаловалась на дорожные работы. Я сидела, опустив взгляд на наши колени, между которыми оставалась пара сантиметров пустого пространства, и спрашивала себя, почему я не пытаюсь подвинуться ближе. Надо признаться, уже не в первый раз. Джейсон поцеловал меня только на третьем свидании, а теперь, спустя полтора года, мы еще не обсуждали возможность чего-то большего. Когда мы только начали встречаться, я не выносила даже объятий и не хотела подпускать кого-то слишком близко. Мне нужен был парень, который поймет мои чувства. Но в последнее время хотелось чего-то еще.

В аэропорту родители попрощались с Джейсоном у входа. Они обняли сына, прошли через зал ожидания к окну и устались на взлетную полосу с куском голубого неба, тактично оставив нас наедине. Я тоже обняла Джейсона и уткнулась ему в плечо, вдыхая его запах, чтобы запомнить на все лето. От него пахло спортивным дезодорантом и лосьоном от угрей.

— Я буду очень скучать по тебе, — сказала я.

— Всего каких-то восемь недель, — ответил он, целуя меня в лоб.

Затем быстро — так быстро, что я даже не успела ничего почувствовать, — чмокнул в губы, отстранился и посмотрел в лицо, обнимая за талию.

— Я буду писать, — и снова поцеловал в лоб.

Когда объявили рейс и Джейсон скрылся в туннеле, ведущем в самолет, я стояла с Тэлботами, глядя ему вслед и чувствуя тяжесть в груди. Длинное будет лето. Мне так хотелось настоящего поцелуя, который запомнился бы надолго, но я уже очень давно научилась не требовать слишком многого от прощаний. Они ничего не обещают и не гарантируют: радуйся, что с тобой вообще попрощались.

Мой отец умер у меня на глазах. Именно это приходило в голову всем, кто слышал мое имя. Я — не Мейси Куин, дочь Деборы, которая строит восхитительные дома в новом элитном районе. И не младшая сестра Кэролайн, у которой прошлым летом была самая потрясающая свадьба в округе. И даже не чемпионка, побившая однажды рекорд школы по бегу на короткую дистанцию.

Нет. Я — Мейси Куин, которая проснулась на следующий день после Рождества, вышла на улицу и увидела, что ее отец лежит на дороге, а какой-то прохожий пытается оказать ему первую помощь.

Я была для всех девочкой, на глазах которой умер ее отец. Стоило людям увидеть меня, как они сразу же

вспоминали эту трагическую историю, и на их лицах немедленно появлялось особенное выражение: голова чуть набок, скорбно поджатые губы, печаль в глазах. Они как бы говорили: «О господи, бедняжка Мейси!» Я не сомневалась в их добрых намерениях, но для меня это было лишь ничего не значащее сокращение мускулатуры. Я ненавидела это выражение, преследовавшее меня везде.

Впервые это случилось в больнице. Я сидела на пластмассовом стуле возле автомата с водой, когда из маленькой комнаты ожидания вышла моя мама. Я уже знала, что туда приглашают людей, чтобы сообщить самую плохую новость: тот, кого они ждали, умер. Чуть раньше мне пришлось наблюдать, как это произошло с другой семьей: десять шагов, поворот за угол, и надежда сменяется безысходностью.

Когда мама вышла ко мне, я уже все поняла. Ее сопровождала толстая медсестра с какими-то бумагами. Она увидела меня — в спортивных штанах, растянутом свитере и старых беговых кроссовках, и на ее лице появилось это выражение: «Ох, бедняжка». Тогда я еще не знала, что оно будет преследовать меня везде: на похоронах, в магазине, в школе, даже на улице. Я опускала голову, утыкаясь взглядом в землю или рассматривая потертости на туфлях, но все равно чувствовала эти жалостливые взоры.

Рядом со мной рыдала моя старшая сестра Кэролайн. Она плакала все время: пока шла служба в церкви, потом в лимузине, на кладбище, дома на поминках. Она так много плакала, что мне казалось, я не имею права ни на одну слезинку, даже если бы и могла ее выдавить. Если бы заплакал кто-то еще, все стало бы совсем невыносимо.

Я не могла примириться с тем, что папа ушел. Я ненавидела себя за то, что лениво и сонно отмахнулась, когда он заглянул в мою комнату и позвал на пробежку.

— Мейси, вставай, — шепнул он мне в ухо, — я дам тебе фору. Давай, ты же знаешь: только первый шаг дается с трудом.

Я ненавидела себя за то, что передумала только через пять минут, а не через две или три, и за то, что слишком долго искала спортивные штаны и зашнуровывала кроссовки. Я ненавидела себя за то, что бежала эти несколько сотен метров слишком медленно, и когда добежала до папы, он уже не мог ни услышать мой голос, ни посмотреть мне в лицо.

Я стала девочкой, отец которой умер у нее на глазах, все об этом знали, и я не могла ничего изменить. Но злость на себя и страх оставались моей тайной, и я не собиралась делиться ею с окружающими. Это мое личное.

Когда я вернулась домой из аэропорта, на крыльце стояла коробка. Стоило мне взглянуть на обратный адрес, и все стало понятно.

— Мам? — крикнула я в гулкую пустоту дома, и дверь за моей спиной захлопнулась.

Столовая украшена цветами вперемешку со стопками рекламных брошюр — все готово к вечернему коктейлю в честь мамино нового проекта. Она только что начала строить новую очередь элитных таунхаусов, которые ей надо продать. Об этом сообщает лозунг над камином: мамино улыбающееся лицо и надпись: «Дома Куин» — мы построим вам королевский замок!»

Я прошла на кухню, поставила коробку на кухонный остров, точно по центру, подошла к холодильнику и налила себе апельсинового сока. Выпила все до последней капли, сполоснула стакан и поставила в посудомойку. Но, как бы я ни тянула время, коробка ждала меня. Надо было с этим покончить. Я достала из ящика ножницы и вспорола упаковочную ленту. Обратный адрес, как и на остальных посылках, гласил: «Уотервилл, штат Мэн». Внутри лежал листок с напечатанным текстом:

Дорогой мистер Куин! Как одному из самых ценных клиентов компании «Товары И Зет», мы предлагаем Вам опробовать нашу новую продукцию. Мы искренне надеемся, что она станет важной частью Вашей повседневной жизни и сэкономит Ваше драгоценное время, как и многие другие наши товары, приобретенные Вами на протяжении долгих лет. Если по каким-либо причинам наша продукция Вам не подойдет, Вы можете вернуть ее в течение тридцати календарных дней. Еще раз благодарим за сотрудничество. С любыми вопросами Вы можете обратиться в отдел по работе с клиентами, позвонив по нижеуказанному номеру. Мы работаем, чтобы сделать Вашу жизнь лучше, продуктивнее и комфортнее.

*С наилучшими пожеланиями,
президент компании «Товары И Зет»
Уолтер Ф. Темпест*

Я высыпала кусочки упаковочного пенопласта и аккуратно сложила их возле коробки. Внутри оказался пакет с двумя картинками. На первой была изображена женщина, стоящая на кухне и взирающая на стол, заваленный рулонами фольги и упаковочной бумаги, с такой растерянностью, будто ее сейчас хватит удар. На второй — та же самая женщина, на том же месте, но уже никаких рулонов, только к стене прикреплена небольшая пластиковая коробочка, из которой она вытягивает какую-то обертку. На этот раз у женщины такое блаженное выражение лица, которое бывает разве что у мадонн на картинах или у людей, принимающих тяжелые наркотики. «Надоело сражаться с тоннами оберточной бумаги и бороться с беспорядком в шкафчиках? Купите «Аккуратного упаковщика», и вы получите то, что вам нужно. Удобные отделения с пакетами для сэндвичей и для заморозки, фольгой и оберточной бумагой спасут вас от беспорядка в ящиках. Все и всегда будет под рукой!» — гласила надпись под картинками.